

Пари на
Снегурочку

СВОИ

ВЕРА РУДЕЦКАЯ

18+

Вера Рудецкая

Пари на Снегурочку

<https://litres.ru/74075079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь перевернулась в одночасье: переезд к новому мужу мамы, новый город, новый университет.

Всё, чего я хотела, — не подвести маму и просто остаться собой.

Но вместо спокойного начала я оказалась под одной крышей с «золотым мальчиком», который возненавидел меня с первого взгляда.

И это было ещё не самое худшее.

Я узнала, что он и его друзья заключили пари: кто из них проведёт со мной ночь до Нового года.

Вот только они не учли одного — в этой ставке можно проиграть собственное сердце.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вера Рудецкая

Пари на Снегурочку

Пролог

31 декабря. 23:45

Взрыв.

Очередная вспышка салюта за окном разрезает полумрак нашего блока, на секунду выхватывая из темноты моё отражение в зеркале шкафа. Я себя не узнаю. Голубой костюм, шапка с белой опушкой, искусственный мех на манжетах. Снегурочка из детской сказки — хрупкая, созданная для единственной ночи. Та, что растает от одного только жаркого взгляда. Или просто исчезнет с первыми лучами солнца, оставив после себя лужицу талой воды и привкус разочарования.

Сердце колотится в горле, мешая дышать. Я должна уйти. Прямо сейчас. Пока не превратилась в настоящую Снегурочку — ту, что полюбила и погибла от огня. Иначе всё, что я строила последние недели, рухнет.

Тянусь к дверной ручке. Пальцы дрожат — не то от холода, ползущего по ногам с ледяного пола, не то от страха.

— Даже не думай.

Грохот. Тяжёлая ладонь врежется в дверное полотно пря-

мо над моим ухом. Дверь захлопывается, так и не успев открыться.

Я вздрагиваю, вжимаясь лопатками в жёсткое дерево. В нос ударяет запах дорогого виски, морозной свежести и его парфюма. Запах, который я научилась ненавидеть и желать одновременно.

Егор.

Он нависает надо мной, огромный, давящий, пугающий. Идеальный «золотой мальчик» трещит по швам. Галстук сбит набок, верхняя пуговица рубашки вырвана «с мясом», волосы взъерошены, словно он только что дрался. А в глазах — чёрная, пьяная бездна.

— Пусти, — голос срывается на шёпот. Пытаюсь говорить твёрдо, но выходит жалко. — Меня ждут.

Он издаёт злой, лающий смешок.

— Руслан ждёт? — он произносит это имя как ругательство. — Хочешь успеть до двенадцати? Хочешь, чтобы он поставил галочку в своём списке?

— Это не твоё дело, — шиплю я, пытаюсь оттолкнуть его в грудь. Бесполезно. Каменная стена. — Отойди... братик.

Это запрещённый приём. Удар ниже пояса. Я вижу, как раздуваются крылья его носа. Зрачки расширяются, пожирая радужку, пока глаза не становятся абсолютно чёрными.

— Плевать на всё, — хрипит он, склоняясь к самому моему лицу. Его горячее дыхание обжигает кожу, контрастируя с холодом в комнате. — Плевать на спор.

Он делает шаг вперёд, вжимая меня в дверь телом. Жёстко. По-хозяйски. Его колено бесцеремонно раздвигает мои ноги, лишая возможности сдвинуться хоть на миллиметр. Я задыхаюсь.

— Ты никуда не пойдёшь, Марина.

— Почему? — выдыхаю ему в губы. Между нами миллиметры. Воздух искрит, как оголённый провод под напряжением. — Боишься проиграть?

Егор смотрит на мои губы, потом в глаза. В его взгляде столько боли и ярости, что мне становится страшно. По-настоящему.

— Если ты сейчас уйдёшь к нему... — он говорит медленно, чеканя каждое слово. — Я сожгу этот универ дотла. Вместе с ними. Вместе с собой.

За окном взрывается гигантский красный фейерверк, заливая комнату цветом крови. Гул толпы на улице нарастает. До Нового года — пятнадцать минут. До катастрофы — секунда.

Егор подаётся вперёд, стирая последние миллиметры...

Глава 1

Несколько месяцев назад...

Тишина здесь совсем другая. В нашей панельке на окраине вечно слышно, как соседи сверху ругаются, а снизу — жарят рыбу. Здесь же настоящий покой. Пахнет стриженным газоном, нагретым асфальтом и деньгами. Огромными деньгами.

Августовское солнце плавит макушку, а меня бьёт озноб.

— Марина, выпрями спину, — шипит мама, одёргивая край моего летнего платья. Её пальцы дрожат. Она нервничает так сильно, что эта вибрация передаётся мне по воздуху, как вай-фай. — И улыбайся. Ради бога, просто улыбайся. Виктор не любит кислых лиц.

Я натягиваю улыбку, чувствуя, как она приклеивается к зубам. Мы стоим перед входом в особняк Виктора Барсова. Это не дом — это замок из стекла и бетона, возвышающийся над нами, как памятник моей прошлой счастливой жизни.

Двери распахиваются.

Виктор Барсов занимает собой всё пространство. Он огромный, громкий, пахнет дорогим табаком и властью.

— Ну, наконец-то! — его бас, кажется, заставляет вибрировать стёкла в рамах. — Мои девочки приехали!

Он сгребает маму в объятия, целует её так по-хозяйски, что мне хочется отвернуться. Я чувствую себя лишней. Де-

корацией в чужом спектакле.

— А это, значит, Марина? — он переводит взгляд на меня. Глаза у него цепкие, сканирующие. Будто он прикидывает, сколько я стою. — Красавица. В мать пошла. Ну, проходите, не жарьтесь на солнце.

Внутри прохладно. Кондиционеры работают на полную мощность, убивая лето. Мы проходим в гостиную, похожую на музейный зал. Здесь страшно дотронуться до чего-либо — вдруг рассыплется или завоет сирена.

— Егор! — рывкает Виктор куда-то в сторону лестницы. — Спускайся! Наши здесь!

Тишина повисает на несколько секунд. А потом я слышу шаги. Ленивые, размеренные.

Он спускается по лестнице, засунув руки в карманы брюк. Егор Барсов. «Золотой мальчик», о котором я слышала только из восторженных рассказов мамы.

Он красив той порочной, самоуверенной красотой, от которой у девочек обычно подкашиваются ноги. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, небрежно спадающими на лоб. Но его глаза...

В них нет ни грамма того радушия, которое изображает его отец. Он смотрит на нас с мамой сверху вниз. Как на грязь, которую кто-то занёс на подошвах в его стерильный дом.

— Егор, познакомься, — Виктор сияет, не замечая холода, исходящего от сына. — Это Елена и Марина. Теперь мы

одна семья.

Егор останавливается напротив меня. Он выше на голову. От него пахнет мятой и чем-то резким, цитрусовым. Он медленно, демонстративно оглядывает меня с ног до головы. Задерживается на простеньком платье из масс-маркета, на старых босоножках.

Его губы кривятся в ухмылке. Недоброй. Хищной.

— Семья, значит? — он произносит это слово, как будто пробует на вкус испорченное молоко. — Рад знакомству.

Он не протягивает руки. Он сверлит меня взглядом, от которого хочется съёжиться и исчезнуть.

— Ну же, сын, будь джентльменом, — хохочет Виктор, хлопая его по плечу. — Покажи Марине дом. Ей здесь жить.

— Жить? — бровь Егора взлетает вверх.

— Пока вы не уедете на учёбу, — уточняет Виктор и поворачивается ко мне с сияющим видом. — У меня для тебя сюрприз, Мариночка. Я тут подумал... Негоже тебе учиться в том педагогическом, куда ты подала документы. Я договорился. Ты зачислена в университет к Егору.

Земля уходит из-под ног. Что? Вуз, где учится «золотая молодёжь»?

— Виктор, это... это слишком... — лепечет мама, прижимая руки к груди. Глаза у неё блестят от слёз счастья.

— Ничего не слишком! — отрезает Барсов-старший. — Я плачу. Но у меня условие. Жить вы оба будете в университетском общежитии. Я выбил вам комнаты в блоке повы-

шенной комфортности. Соседние комнаты. Присматривайте друг за другом. Ты, Егор, поможешь сестре адаптироваться. Понял?

Я перевожу взгляд на Егора. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже валялась на этом дорогом полу с дырой в груди.

Его лицо каменеет. Желваки на скулах начинают ходить ходуном.

— Как скажешь, отец, — цедит он сквозь зубы.

Он делает шаг ко мне, вторгаясь в личное пространство. Так близко, что я вижу своё перепуганное отражение в его зрачках.

— Ну что, Золушка, — шепчет он так тихо, что слышу только я. Голос сочится ядом. — Добро пожаловать в сказку. Только учти: тыква у тебя сгниёт ещё до полуночи.

Сентябрь

— Это ключи от твоего рая, дочка!

Виктор вручает мне электронную карту-ключ. Мы стоим в блоке студенческого общежития. Хотя называть это «общежитием» язык не поворачивается. Это больше похоже на пятизвёздочный отель. Ковролин, поглощающий звуки шагов, картины на стенах, идеальная чистота.

— Ну, располагайтесь, — командует Виктор. — Лена, нам пора, работа не ждёт.

Мама обнимает меня на прощание. Крепко, до искр из

глаз.

— Не подведи меня, — шепчет она мне в ухо. — Будь умницей. Сдружись с Егором. Это твой шанс, Марина. Наш шанс.

Они уходят. Дверь захлопывается, отрезая нас от мира взрослых, где нужно было притворяться.

В блоке повисает тишина.

Я сжимаю ручку чемодана так, что костяшки пальцев белеют. Четыре двери — моя комната слева, его справа. Между нашими дверями просторная ванная и санузел. Через открытую дверь в мою комнату виднеется большой диван и окно. Оттуда доносятся приглушённые голоса студентов во дворе.

Егор стоит у своей двери, прислонившись плечом к косяку. Руки скрещены на груди, взгляд упирается в стену над моей головой — смотрит куда угодно, только не на меня.

Я делаю вдох, пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Нужно что-то сказать. Нам ведь жить рядом. Нужно как-то наладить контакт, как просила мама.

— Егор, я... — начинаю я, делая полшага вперёд.

Он отталкивается от косяка резко, как пружина. Одно движение, и он нависает надо мной. Я отшатываюсь, но сзади дверь в мою комнату. Отступить некуда.

Его рука с грохотом врезается в стену рядом с моей головой. В глазах — огонь.

— Заткнись, — его голос тихий, ровный, страшный. —

Слушай меня внимательно. Потому что повторять я не буду. — он подавляет своей массой, агрессией. Я чувствую жар его тела, и мне становится душно. — То, что мой отец решил поиграть в благотворительность и поселил нас рядом, не делает нас семьёй. Ты поняла?

Я киваю, не в силах выдавить ни звука. Горло перехватывает спазм.

— В мою комнату не входить, — он загибает палец перед моим лицом. — Никогда. Даже если будет пожар — гори, но ко мне не суйся.

Второй палец.

— Мои вещи в ванной не трогать.

Третий палец.

— И главное... — он наклоняется к самому моему уху, обжигая дыханием кожу. — Ты меня не знаешь. Мы не здороваемся. Ты ко мне не подходишь. Не смотришь в мою сторону. Для всех в универе я — Егор Барсов, а ты — никто. Пустое место. Пыль.

Он отстраняется, глядя на меня с брезгливостью.

— Ты поняла меня, Золушка? Или тебе нужен переводчик с русского на нищенский?

— Я поняла, — шепчу я. Голос дрожит, и я ненавижу себя за эту слабость. — Я тебе не навязываюсь. Мне ничего от тебя не нужно.

Он смеётся. Коротко, зло.

— Конечно. Тебе нужны только бабки моего отца. Вы с

матерью своего не упустите.

— Неправда! — вспыхиваю я, вскидывая голову.

Егор хватает меня за подбородок, больно сжимая пальцы. Заставляет смотреть ему в глаза.

— Я буду говорить то, что считаю нужным. Ты на моей территории, — чеканит он. — Ты здесь чужая. Никто. Запомни это. И не попадайся мне на глаза лишний раз.

Он резко отпускает меня. Я ударяюсь затылком о стену, но физическая боль — ничто по сравнению с тем унижением, которое жжёт изнутри.

Егор разворачивается и идёт к своей двери.

— Добро пожаловать в ад, сестрёнка, — бросает он через плечо.

Дверь его комнаты захлопывается с такой силой, что дрожат стены. Этот звук ставит жирную точку в моей прошлой жизни — той, где я ещё верила в новые начинания.

Я вваливаюсь в свою комнату, закрываю дверь и сползаю по ней на пол. Подтягиваю колени к груди, обхватываю их руками, пытаюсь унять дрожь.

За огромным окном — яркое сентябрьское солнце, а меня колотит от холода, словно я провалилась под лёд.

Я в аквариуме с пираньями.

И самая голодная из них живёт за стеной.

Глава 2

Утро начинается с тахикардии.

Я лежу под одеялом, натянув его до самого носа, и вслушиваюсь. Тишина в блоке хищная. Кажется, стены только и ждут, когда я сделаю неверный шаг, чтобы сжаться и раздавить меня.

Семь утра. Будильник на телефоне я выключила за секунду до звонка, чтобы не дай бог не побеспокоить его.

За стеной слышны шаги. Тяжёлые, уверенные. Хлопает дверь ванной. Шум воды.

Я выдыхаю, только когда шум стихает. Мне нужно в душ. Мне нужно почистить зубы. Мне нужно хотя бы глоток воды, потому что во рту пересохло от нервов. Но я боюсь выйти из комнаты.

Желудок скручивает от голода — вчера я выползла только один раз, когда услышала, что он ушёл. Добежала до ванной и обратно, как загнанный зверь. Даже на кухню не рискнула зайти. Последний раз я ела утром дома, перед отъездом. Мама готовила блинчики, волновалась, повторяла, что всё будет хорошо. Если бы она знала...

Это бред. Это просто смешно — прятаться в собственной комнате, бояться выйти в ванную, которая принадлежит и мне тоже. Умирать от голода в нескольких метрах от холодильника.

Или... всё здесь — его. А я — временный сбой в системе, ошибка в коде, которую скоро устранят.

Сползаю с кровати. Ноги касаются пушистого, неприлично дорогого ковра, но мне всё равно холодно. Этот холод идёт не от пола — он внутри. Он поселился во мне вчера, когда дверь его комнаты захлопнулась.

Натягиваю халат. Завязываю пояс так туго, что перехватывает дыхание.

Тихо, стараясь не скрипеть, приоткрываю дверь. В коридоре пусто. Пахнет гелем для душа с ароматом морской соли и горьким цитрусом. Его запах. Он висит в воздухе, помечая территорию.

Я проскальзываю в ванную. Умываюсь. Пока всё спокойно.

Затем иду в кухню.

За окнами качаются верхушки сосен. Серое небо давит на стёкла.

Я вздрагиваю. Егор стоит у кофемашины спиной ко мне.

Застываю в проёме, вцепившись пальцами в косяк. Сердце делает кульбит и падает в желудок.

Он уже одет. Чёрная футболка какого-то люксового бренда, которого я даже не знаю, идеально сидящие джинсы, на запястье — часы, стоящие как квартира в спальном районе. Он выглядит точно так, как и должен выглядеть наследник империи — небрежно, идеально, дорого без усилий. В одной руке чашка, другой он листает ленту в смартфоне последней

модели.

— Доброе утро, — выдавливаю я. Голос сиплый со сна. Или от страха.

Тишина.

Он даже не вздрагивает. Не поворачивает головы. Словно я — пустое место. Радиопомеха. Пыль, кружащаяся в луче света.

Егор делает глоток кофе, морщится — видимо, горячо — и продолжает скроллить.

Я делаю шаг к кухонному островку.

— Егор, нам нужно обсудить расписание ванной, чтобы не мешать друг другу...

Ничего. Абсолютный ноль.

Он допивает кофе одним глотком, со стуком ставит чашку в раковину и разворачивается.

Проходит мимо меня. Близко. Настолько близко, что плечом задевает моё плечо. Не сильно, но ощутимо.

Меня обдаёт волной холода и ароматом его парфюма.

Входная дверь щёлкает. Я остаюсь одна в огромной, чужой кухне.

На столешнице осталась лужица пролитого кофе.

До университета добираюсь пешком. Это недалеко — весь кампус утопает в сосновом лесу, закрытый мирок для золотой молодёжи. Раньше я думала, такое только в американских фильмах показывают.

По дороге меня обгоняют машины — одна дороже другой. Пронесятся мимо, обдавая ветром и брызгами из луж. Кто-то сигналит, кто-то газует для понта.

Я упрямо шагаю по обочине, кутаясь в новую куртку — мама так старалась, выбирала самую красивую. Здесь, среди всей этой роскоши, я чувствую себя статисткой, случайно забредшей на съёмочную площадку чужой жизни.

Я захожу внутрь и сразу попадаю в гул голосов. Здесь пахнет деньгами. Это особенный запах — смесь дорогих духов, новой одежды, кожаных сумок и уверенности в себе.

Студенты стоят группами. Парни в брендовых худи, девушки с идеальными укладками и макияжем, словно они собрались не на лекцию по экономике, а на вручение «Оскара».

Я стараюсь стать незаметной. Слиться со стеной. Найти расписание, найти аудиторию, сесть на заднюю парту и пережить этот день.

«Присматривайте друг за другом», — звучит в голове голос Виктора.

Я невольно ищу глазами Егора. И, конечно, нахожу.

Его невозможно не заметить. Он стоит у панорамного окна в центре холла, окружённый свитой. Рядом — высокий парень с наглой ухмылкой. Ещё кто-то.

И девушки. Две яркие брюнетки виснут на нём, смеясь над чем-то, что он сказал.

Егор расслаблен. Он царь горы. Он здесь свой. Улыбается. Виктор упоминал, что он весь прошлый год на подгото-

вительные ходил. Конечно, у него тут уже вся система налажена — связи, друзья, статус.

Вдруг он поднимает голову. Наши взгляды встречаются.

На долю секунды мне кажется, что сейчас он что-то делает. Кивнёт? Ухмыльнётся? Подойдёт и унизит при всех?

Но он просто скользит взглядом по моему лицу, как по прозрачному стеклу, и снова поворачивается к своим друзьям.

Я опускаю голову и спешу к лестнице.

Окей, братик. Я поняла правила. Мы незнакомы.

Первая пара проходит как в тумане. Я записываю лекцию механически, слова преподавателя сливаются в монотонный гул. Вокруг меня — пустота. Свободные места справа и слева остаются незанятыми, хотя в аудитории яблоку негде упасть. Студенты предпочитают кучковаться, чем занять место рядом со мной.

— ...чёрная метка, — доносится откуда-то сзади.

— ...метка... — подхватывают слева.

Я нахмуриваюсь. Чёрная метка? Неужели... нет, это глупо. Просто обсуждают какой-нибудь фильм. Или книгу. Пираты Карибского моря, может быть.

Но червячок сомнения уже шевелится где-то под рёбрами.

На перемене решаюсь пойти в столовую. Желудок скручивается узлом — с утра во рту не было ни крошки, а вчера я ела только мамины блинчики перед отъездом.

Столовая больше напоминает фудкорт в торговом центре. Чисто, светло, несколько стоек с блюдами. У окон — высокие столы с барными стульями, в центре — обычные столики, есть даже маленькая зона с диванчиками.

Я беру поднос. Салат, кофе, какой-то сок в высоком стакане. Руки предательски дрожат. Только бы не уронить. Только бы дойти до свободного столика в углу.

Разворачиваюсь, крепко сжимая поднос, и делаю шаг.

Удар.

Всё происходит за долю секунды. Кто-то врывается в меня сбоку. Резко, сильно, словно специально.

Поднос вылетает из рук. Грохот падающей посуды кажется оглушительным. Звон стекла.

Холодная, липкая жидкость, заливает блузку.

Вишнёвый сок. Он растекается по белой ткани кровью. Я стою, растерянно моргая, глядя на красное пятно, расплзающееся на груди.

— Ой, прости! Я тебя совсем не заметила.

Голос звонкий, приторно-сладкий. Я поднимаю глаза.

Передо мной стоит девушка. Высокая, с идеальной фигурой, обтянутой кашемировым платьем. Длинные тёмные волосы, хищный разлёт бровей, губы цвета спелой вишни — в тон пятну на моей одежде.

Я видела её фото в соцсетях Егора.

Она смотрит на меня с брезгливым любопытством. Как будто раздавила таракана и теперь проверяет, не испачкала

ли подошву.

— Ты такая... незаметная, — тянет она, и в её голосе столько яда, что им можно отравить небольшой город. — Ходишь тут, как тень. Неудивительно, что на тебя натыкаются.

В столовой повисает тишина. Все разговоры смолкают. Десятки глаз смотрят на нас. На меня. На испорченную пятном блузку, на осколки стакана у моих ног.

Щёки заливаает краска стыда. Мне хочется провалиться сквозь землю. Рассыпаться на атомы.

— Я... я стояла на месте, — шепчу я, сама не веря в то, что оправдываюсь.

— Да? — Алина картинно вскидывает брови. — А мне показалось, ты бросилась мне под ноги. Неуклюжая.

Кто-то хихикает. Смешок подхватывают другие. Волна смеха катится по залу, накрывая меня с головой.

Я судорожно ищу глазами единственного человека, который должен вступиться. Хотя бы формально. Хотя бы потому что мы теперь из одной семьи.

Егор сидит за центральным столиком, в окружении своей свиты. Он сидит вполоборота, лениво помешивая ложечкой сахар в чашке.

Он всё видел. Я знаю, что он видел.

Наши взгляды встречаются через весь зал.

В моих глазах — немая мольба. «Пожалуйста. Прекрати это. Ты же обещал отцу».

Егор смотрит. В тёмных глазах — арктическое равноду-

шие. Ни жалости. Ни злости. Ничего.

Он медленно подносит чашку к губам, делает глоток и отворачивается к окну.

— Ну, чего застыла? — бросает мне девушка. — Убери за собой. Здесь тебе не дома, прислуги нет. Хотя... может, ты и привыкла за всеми подтирать?

Она перешагивает через лужу сока и идёт к столику Егора. Садится рядом с ним, кладёт руку ему на плечо. Он не стряхивает её.

Я стою посреди столовой, облитая соком, под прицелом насмешливых глаз. В горле — ком размером с кулак.

«Не плакать, — приказываю я себе. — Только не плакать. Не доставишь им такого удовольствия».

Я приседаю и начинаю собирать крупные осколки голыми руками. Пальцы дрожат. Острый край впивается в кожу, выступает капля крови, смешивается с вишнёвым соком на полу.

— Уборщица соберёт.

Мужской голос. Незнакомый.

Я вздрагиваю, поднимаю взгляд. Парень присел рядом на корточки. Тёмные волосы чуть длиннее, чем принято, наглая полуулыбка, кожаная куртка, от которой пахнет дорогим парфюмом.

Он забирает осколок из моих рук, при этом не сводит с меня оценивающего взгляда. Изучает, как диковинку.

— Вставай, — говорит и поднимается сам, потянув меня

за локоть вверх.

Я выдёргиваю руку.

— Сама справлюсь.

Бросаю осколки обратно на пол и иду к выходу, стараясь не бежать. Спиной чувствую два взгляда — один заинтересованный. Второй — холодный и тяжёлый.

Егор смотрит.

В туалете я запираюсь в кабинке и прижимаюсь лбом к холодной стене. Меня колотит.

Аквариум закрылся. Вода окрасилась кровью. И пираньи уже учуяли запах.

Глава 3

Вишнёвый сок не отстирывается. Я тру ткань под ледяной струёй воды, до боли в костяшках, до красных полос на коже, но становится только хуже.

Теперь это не просто пятно. Это мишень.

Я поднимаю голову и смотрю в зеркало. Оттуда на меня глядит загнанный зверёк. Бледная кожа, растрёпанные волосы, глаза, в которых плещется паника. Жалкая. Виктор Барсов хотел, чтобы я «влилась»? Что ж, я влилась. Стала местным клоуном ещё до конца первой пары.

Скоро начнётся следующая пара, а значит, мне нужно выйти. Нужно сделать вид, что мне плевать.

Я выжимаю край блузки, накидываю сверху куртку, хотя в помещении жарко, и застёгиваю её на молнию. Под горло. Словно бронежилет.

Выйти из туалета — как шагнуть в открытый космос без скафандра. Коридор гудит. Смех, разговоры, шелест дорогих тканей. Я иду, опустив голову, глядя только на свои новые ботинки, но физически чувствую на себе взгляды. Липкие, оценивающие, насмешливые.

— О, смотрите, пятнистая идёт! — слышу издалека.

Смешки бьют в спину, как мелкие камешки. Я не оборачиваюсь. Я знаю, кто это. Свита королевы. Сама королева где-то рядом, я чувствую её приторно-сладкие духи. Но хуже

всего не их смех. Хуже всего — равнодушие остальных. Для них я — пустое место. Декорация, которую кто-то случайно испортил.

Оставшиеся часы превращаются в пытку. Я сижу на задней парте, кутаясь в куртку, и чувствую, как пот течёт по спине. Душно. Невыносимо душно, но расстегнуть воротник я не могу.

Когда пары, наконец, заканчиваются, я вылетаю из здания университета первой. Мне нужен воздух. Мне нужно пространство, где нет этих идеальных лиц и презрительных улыбок.

На улице уже сумерки. Пронизывающий ветер, который забирается под одежду и лижет кожу ледяным языком. Здания погружаются в синеву. Сосны вокруг чернеют, как стражники тюрьмы строгого режима.

Я иду по обочине дороги, ведущей к общежитиям. Мимо с рёвом проносятся машины. Свет фар выхватывает меня из сгущающейся темноты, слепит, заставляет шуриться.

Сзади слышится шум мотора. Он не удаляется, как остальные, а нарастает, крадётся следом. Я ускоряю шаг, вжимая голову в плечи. Шины шуршат по мокрому асфальту совсем рядом. Хищный, низкий рокот дорогого двигателя. Чёрный спортивный седан равняется со мной и сбавляет скорость. Стекло плавно, бесшумно ползёт вниз.

— Далеко собралась, Снегурочка?

Я вздрагиваю. Этот голос я уже слышала сегодня. Руслан.

Тот самый, что хотел «помочь» мне с осколками. Я не останавливаюсь, продолжаю идти, глядя строго перед собой. Машина ползёт рядом, как большая чёрная кошка, играющая с мышью.

— Эй, я с тобой разговариваю, — в его голосе слышится усмешка. Не злая, скорее ленивая. — Садись. Подвезу.

— Я люблю гулять, — бросаю я, не поворачивая головы.

Ветер швыряет мне в лицо холодные капли. Отличная погода для прогулок, Марина. Просто супер.

— Брось, — Руслан чуть подаёт машину вперёд, преграждая мне путь. Мне приходится остановиться. — Ты дрожишь. И, кажется, твоя куртка видела лучшие времена ещё при царе Горохе. Садись. Я не кусаюсь.

Я, наконец, смотрю на него. В салоне тепло, горит мягкая подсветка приборной панели. Руслан сидит расслабленно, одной рукой придерживая руль. На запястье блестят часы, которые стоят, наверное, как почка. Он красив, этого не отнять. Тёмные волосы, наглые глаза, улыбка, обещающая неприятности. Но эта красота пугает меня меньше, чем ледяное лицо моего сводного брата.

— Спасибо, не нужно, — чеканю я. — Тут идти десять минут.

— Гордая? — он хмыкает, скользя взглядом по моей фигуре. От этого взгляда мне хочется запахнуть куртку ещё плотнее. — Мне нравится. Гордые ломаются с таким красивым звуком.

Меня передёргивает. Я делаю шаг, пытаюсь обойти капот его машины. И в этот момент пространство разрывает рёв другого двигателя. Яркий свет фар бьёт по глазам. Мимо нас пролетает огромный чёрный джип. Он несётся на такой скорости, что воздушная волна едва не сбивает меня с ног. Колесо джипа попадает в глубокую лужу прямо напротив меня.

Всплеск.

Волна ледяной, грязной жижи накрывает меня с головой. Лицо, волосы, куртка — всё мгновенно становится мокрым и чёрным. Я задыхаюсь от неожиданности и холода. Сплёвываю грязь, попавшую на губы. Стоп-сигналы джипа вспыхивают красным впереди. На секунду. Всего на секунду. А потом гаснут, и машина скрывается за поворотом.

Я знаю этот номер. Егор.

Он видел меня. И он просто проехал мимо, обдав меня грязью.

Я стою, обтекаю, чувствуя, как ледяная вода просачивается сквозь одежду к телу. Холод пробирает до костей. Или это не холод? Это унижение, которое жжёт сильнее кипятка.

Может, хватит на сегодня?

— Вот урод, — присвистывает Руслан. В его голосе нет сочувствия, только весёлое удивление. — Барсов в своём репертуаре. Ну что, теперь сядешь? Или будешь ждать, пока превратишься в ледяную статую?

Я стираю грязь с ресниц. Злость вдруг вспыхивает во мне, горячая, яростная. Она вытесняет страх.

— Пошёл ты, — выплёвывая я.

— Ого, — Руслан смеётся в голос. — У котёнка есть когти. Ладно, как хочешь. Моё дело предложить.

Он бьёт по газам. Машина срывается с места, оставляя меня одну в темноте, среди леса и грязи. Я иду к общежитию.

Ботинки промокли насквозь. Меня трясёт. Зубы выбивают дробь. Но я не плачу. Слёзы закончились ещё в туалете. Теперь осталась только пустота. И злость.

Электронный ключ пикает, и дверь блока открывается. Тепло ударяет в лицо. Здесь пахнет уютом, дорогим деревом и... кофе. Крепким, свежесваренным кофе. Я вваливаюсь в прихожую, оставляя на идеальном паркете грязные следы. Я похожа на чудовище, вылезшее из болота.

В холле горит свет. Дверь в комнату Егора открыта настежь. Он сидит на диване, закинув ноги на журнальный столик. В руках джойстик, на огромном экране телевизора кто-то кого-то убивает. Он даже не оборачивается на звук открывшейся двери.

— Ты испачкала пол, — бросает он, не отрываясь от игры. Голос ровный, спокойный.

Я застываю. Ярость, которую я несла всю дорогу, вдруг застревает комом в горле.

— Ты... — голос срывается, хрипит. — Ты меня видел.

— Видел, — он нажимает на паузу и медленно поворачивает голову. — Трудно не заметить грязи на дороге.

Он смотрит на меня. В его глазах — чёрная пустота. Ни грамма сожаления. Он одет в чистую футболку и домашние штаны, его волосы ещё влажные после душа. Ему тепло. Ему комфортно.

— Ты специально проехал по луже, — это не вопрос.

Егор откладывает джойстик и встаёт. Он движется с грацией хищника, лениво, но в каждом движении чувствуется скрытая угроза. Подходит ко мне. Близко. Морщится, чувствуя запах сырости и уличной грязи.

— Ты разговаривала с моим врагом, сестрёнка, — говорит он тихо.

— Что? — я отшатываюсь, упираясь спиной в дверь. — Причём тут Руслан? Он просто предложил подвезти, потому что ты... потому что ты бросил меня! А до вашей вражды мне нет никакого дела.

— Я тебе ничего не должен, — отрезает Егор. Его лицо каменеет. — Мы не семья. Запомни это раз и навсегда. Но пока ты живёшь здесь — ты не будешь шататься с такими, как он.

— С какими «такими»? — кричу я.

Что-то внутри меня обрывается. Больше всего меня бесит, что он чистый, ухоженный, в свежей одежде. А я вся в грязи, промокшая насквозь, униженная. И он ещё смеет указывать мне?

Егор делает шаг вперёд, но я резко отталкиваю его в грудь обеими руками. Он не ожидал — качается назад.

— Не смей! — выкрикиваю я и врываюсь в ванную.

Хватаю первое попавшееся ведро, швыряю под кран, выкручиваю холодную воду на полную. Руки трясутся от ярости. В дверном проёме появляется Егор.

— Совсем охренела? — его голос капает ядом. — Думаешь, раз отец тебя принял, можешь тут командовать?

Вода шумит, наполняя ведро. Я молчу, сжимая край раковины побелевшими пальцами.

— Молчишь? Правильно. Потому что мы оба знаем, кто ты на самом деле. Золушка из трущоб, которой повезло. Но сказка скоро закончится.

Ведро почти полное. Я выключаю воду, поворачиваюсь к нему. Он стоит в двух шагах — самодовольный, насмешливый.

— Ты же не посме...

Я хватаю ведро обеими руками и выплёскиваю всю воду ему в лицо. Ледяная вода обрушивается на его идеальную причёску, дизайнерскую футболку, заливает кроссовки.

Тишина. Только капли падают с его подбородка на кафель. Егор медленно проводит рукой по мокрому лицу. В его глазах — шок, быстро сменяющийся яростью.

— Теперь мы в равных условиях, — говорю я, бросая пустое ведро на пол. — И если хочешь меня выгнать — попробуй. Но указывать, с кем мне общаться, ты не будешь.

Глава 4

Егор стоит неподвижно. С кончиков его волос, с подбородка, с носа стекает вода, разбиваясь о кафель. Кап. Кап. Кап. Звуки отсчитывают секунды до моей казни.

Он медленно проводит ладонью по лицу, стирая влагу. Его грудь тяжело вздымается — мокрая футболка прилипла к телу, очерчивая каждую мышцу. Он делает шаг ко мне. Медленный. Хищный.

Я вжимаюсь поясницей в раковину. Холодный край впицается в спину.

— Ты хоть понимаешь, что ты сейчас сделала? — его голос не громкий. Он пугающе тихий, вкрадчивый, от него мороз пробирает до костей.

Ещё шаг. Он оказывается вплотную. От него веет холодом и яростью. Егор упирается мокрыми руками в столешницу по обе стороны от моих бёдер, запирая в клетку. Наклоняется так близко, что я чувствую жар его тела сквозь ледяную воду. В чёрных глазах — бездна. А в этой бездне плавает моё искажённое страхом отражение.

— Ты меня достал, — выдыхаю я, не в силах отвести взгляд.

— Да? — он усмехается, и капля воды падает с его волос мне на губу. Холодная. Горькая. — Я тебя ещё даже не трогал, Марина. Ты только что объявила войну. А на войне я

пленных не беру.

Его взгляд скользит к моим губам, задерживается. Воздух между нами густеет, становится наэлектризованным. Меня трясёт — от страха или от больной, неправильной близости. Он подаётся вперёд, почти касаясь носом моей щеки, и я зажимаюсь.

— Ты пожалеешь, что вообще переступила порог моего дома, — выдыхает он мне в ухо. — Я устрою тебе такой ад, что к Новому году ты сбежишь босиком по снегу.

Резко оттолкнувшись от раковины, он отстраняется. Смотрит с брезгливостью, будто я что-то липкое на подошве его ботинка.

— Убери здесь. Чтобы через пять минут было сухо.

Дверь хлопает так, что дрожат стены. Я сползаю на пол, хватая ртом воздух. Руки трясутся так сильно, что я не могу разжать пальцы, вцепившиеся в край футболки.

Утро встречает меня головной болью и ощущением, что я иду на эшафот. В университете стараюсь слиться со стенами. Лекция по микроэкономике тянется бесконечно. Преподаватель бубнит про кривые спроса, аудитория живёт своей жизнью — шелест, переписки, смешки. Я вывожу в тетради бессмысленные графики. Это моя броня. Не поднимать глаз. Не смотреть по сторонам.

Дверь распахивается, впуская в душную аудиторию вихрь энергии. Рыжая девушка из студсовета, чьего имени я не за-

помнила, врывается внутрь с пачкой глянцевого флаера.

— Минуточку внимания! — звонко объявляет она. — Важная информация от ректората! Начинаем готовиться к Новому году. Никаких скучных фуршетов в этом году. Мы знаем, что большинство из вас на каникулы остаётся здесь. Нас ждёт «Снежный Бал-Маскарад»! Тридцать первого декабря, тема — «Лёд и Пламя»!

Я озадаченно смотрю на возбуждённые лица одноклассников. Большинство остаётся? Серьёзно? Неужели им не хочется домой, к семьям? Что за люди добровольно встречают Новый год в общежитии, когда можно быть дома с оливье и мандаринами? Моя мама меня живьём съест, если узнает, что я даже подумала встречать праздник отдельно от неё. Она уже, наверное, составила список салатов (она всегда это делаем ещё в сентябре), а скоро купит подарков всей родне до седьмого колена.

По рядам пробегает оживление. Флаеры веером разлетаются по партам. Один падает передо мной — чёрный глянец, серебряные буквы. — Будет конкурс Короля и Королевы Бала! — продолжает активистка. — Так что готовьте наряды и таланты, мальчики и девочки!

— Ты ведь не собираешься участвовать? — ядовитый голос справа заставляет меня вздрогнуть. Алина Вронская. Та самая, что вчера «случайно» облила меня соком. Она смотрит на флаер на моей парте, как на недоразумение. — Там нужны таланты, — тянет она, и её подружки прыскают в ку-

лачки. — А твой единственный талант — быть невидимкой и собирать грязь. Хотя... можешь нарядиться шваброй. Тебе пойдёт. Будешь создавать антураж.

Я молчу, сжимая кулаки под столом так, что ногти впиваются в ладони. Всё равно идти не собираюсь.

— Отвали, Алина, — лениво бросает кто-то с задней парты. — Дай убогим помечтать.

Я не знаю, чей это голос.

Как только пара заканчивается, я сбегая первой. Мне нужно спрятаться. Туда, где тихо. Ноги сами несут меня в сторону спорткомплекса — сейчас там должно быть пусто.

Коридор спорткомплекса пахнет резиной и хлоркой. Я иду к автоматам с водой, мечтая просто выпить горячего кофе и успокоиться, но замираю, услышав голоса. Мужские. Громкие. Они доносятся из-за угла, со стороны выхода на пожарную лестницу. — ...да брось, маскарад — идеальная тема, чтобы замутить с кем угодно! — азартный голос Миши. — Маски, полумрак...

— Скука, — перебивает его ленивый баритон. Руслан. Тот самый, что вчера предлагал подвезти.

Я осторожно заглядываю за угол. Их трое: Руслан сидит на подоконнике, Стас в брендовой толстовке и Миша, тасующий пачку купюр.

— Новая кровь нужна, — продолжает Руслан, щёлкая зажигалкой.

— Новая кровь недавно ходила в блузке с пятном, — ржёт Миша. — Видел? Снегурочка с помойки.

— Она не с помойки, — голос Руслана меняется, становится ниже. — Она просто... дикая. Непуганая. Вчера отказалась садиться ко мне. Гордая.

— Отшила тебя? — удивляется Стас. — Теряешь хватку, Волков.

— Ничего я не теряю. Спорим?

— Спорим на что? — в голосе Миши слышу азарт. — Кто первый затащит новенькую в постель до боя курантов?

— В деле, — ухмыляется Руслан. — Я её трахну просто чтобы посмотреть на рожу Барсова. Это его новая сестра.

— Сестра? — Миша присвистывает. — С чего ты взял?

— Да ворона на хвосте принесла, — Руслан пожимает плечами. — Его батя женился на её матери. Теперь они типа семья. Представляешь, как он взбесится?

Меня тошнит. Физически скручивает желудок. Я хочу убежать, заткнуть уши, исчезнуть, но ноги приросли к полу. Я стою, как парализованная, и слушаю, как меня делят. Как вещь. Как кусок мяса.

И тут я слышу шаги, а потом знакомый голос — низкий, с лёгкой хрипотцой. Сердце пропускает удар.

— О, какие люди! — Руслан расплывается в фальшивой улыбке — даже по тону слышно. — Барсов пожаловал. Мы тут как раз обсуждаем твою сестрёнку. Пари заключили. Кто согреет её до Нового года.

Я вжимаюсь глубже в нишу за автоматом. Егор где-то совсем рядом, но с другой стороны — он пришёл со стороны бассейна. Воздух между ним и Русланом искрит от взаимной ненависти — это чувствуется даже отсюда.

— Я выиграю это пари, — ровно говорит Егор.

Тишина. Миша давится дымом.

— Ты? — Руслан смеётся. — Барсов, это же твоя сестра!

— Никакая она мне не сестра, — отрезает Егор. — Просто дочь жадной бабы, на которой женился мой отец.

— Да предки тебя живьём закопают, если узнают, — приставляет Миша. — Особенно батя. Ты больной?

— Мне плевать, что они думают. Я сказал: я выиграю. Она будет моей до боя курантов.

Я прижимаю ладонь ко рту, чтобы не выдать себя всхлипом. Мне плохо. Кажется, вывернет прямо здесь. Я — приз в омерзительной игре мажоров.

— Интересно. Барсов решил поиграть с огнём. Что ж, посмотрим, кто из нас двоих окажется убедительнее.

— Посмотрим, — соглашается Егор. Слышу шелест купюр. — Двести тысяч. Моя ставка.

— Принято! — кричит Миша. — Это будет легендарный Новый год! Обмоем сделку.

Шаги удаляются. Дверь хлопает. Тишина.

Я сползаю на пол. Двести тысяч рублей. Вот сколько стоит моё унижение.

Глава 5

Вытираю мокрое лицо рукавом, добираюсь до двери и выхожу на улицу.

Ненавижу их всех! Ненавижу его! Ненавижу то, как легко он меня продал. Как будто я — вещь, которую можно разыграть в карты. Как будто так поступают с сёстрами, пусть даже и не настоящими. В груди горит такая ярость, что хочется крушить всё вокруг.

На крыльце идёт снег. Крупные хлопья падают с серого неба. Троица стоит внизу, у перил, Егор чуть в стороне, прикуривает сигарету. Огонёк вспыхивает, освещая его профиль. Они смеются. Смеются! Будто только что не поставили меня на кон, не решали мою судьбу между делом.

Я спускаюсь по ступеням. Снег скрипит под ботинками. Первым меня замечает Руслан. Его улыбка гаснет.

— О, легка на помине...

Егор резко оборачивается. Наши взгляды встречаются. В его глазах мелькает удивление, но он тут же гасит его привычным холодом.

— Что, пришла извиняться? — насмешливо тянет он, выпуская дым мне в лицо.

Я молчу. Наклоняюсь, сгребаю пригоршню мокрой земли вместе мелкими камнями. Выпрямляюсь и с размаху швыряю всё это Егору в грудь.

Грязь разлетается по его куртке, попадает на лицо, оставляя тёмные пятна. Камешки сыплются на асфальт. Он отшатывается, глаза расширяются от шока.

— Какого чёрта?! — рычит он, стряхивая грязь с куртки. Я поворачиваюсь к остальным. Ещё одна горсть — в Руслана.

— Ты совсем охренела?! — Руслан отскакивает, но поздно.

Я отряхиваю руки, разворачиваюсь и иду прочь. За спиной — мёртвая тишина. Потом слышу, как Егор выплёвывает проклятие сквозь зубы. Его голос дрожит от ярости:

— Стой, сука!

Но я не оборачиваюсь. Слышу, как кто-то его удерживает, чей-то голос:

— Егор, остынь, не надо...

— Да она вообще берега попутала! — его крик срывается на хрип.

Я продолжаю идти. Пусть бесится. Пусть все они стоят там, в своей грязи, и гадают, что это было. А это был мой ответ. Просто грязь тем, кто сам в ней по уши.

И это ещё не всё.

Обратная дорога до кампуса проходит как в тумане. Я не чувствую холода, ведь меня греет ярость. Она пульсирует в висках, клоочет в горле, заставляя ускорять шаг, почти бежать.

Двести тысяч.

Эта цифра набатом бьёт в голове в такт шагам. Двести тысяч рублей. Вот цена моей гордости, моего спокойствия, моего тела. Они обсуждали это так буднично, словно покупали подержанную машину. Торговались. Делали ставки.

Я влетаю в блок.

Трясущимися руками запираю входную дверь на все замки. Инстинкт самосохранения требует отгородиться, построить хоть какую-то баррикаду.

Хватаю тяжёлый стул, стоящий у письменного стола, и с грохотом подпираю им дверную ручку. Спинка стула врезается в дерево. Выглядит жалко и по-детски, как в плохих триллерах, когда героиня пытается спастись от маньяка.

Но маньяк не ломится с топором. Он живёт в соседней комнате.

Я сползаю по стене на пол, обхватываю колени руками. Меня начинает трясти. Адреналин отступает, и на смену ему приходит липкий, тошнотворный страх. Что он сделает, когда вернётся?

Егор не привык, чтобы в него швыряли грязью. Он — золотой мальчик, идол факультета, царь горы. А я только что унизила его перед врагом. Руслан тоже получил свою порцию — теперь и от него стоит ждать мести?

В голове пульсирует ещё одна мысль: что делать со спором? Они поставили меня на кон, как вещь. Решили мою судьбу. Это требует ответа. Какого — ещё не знаю. Но так

просто я это не оставляю.

Время тянется мучительно медленно. Я сижу в темноте, не решаясь включить свет, и вслушиваюсь в каждый звук. Шорох за окном. Скрип веток. Шаги на лестнице? Нет, показалось. Сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно в коридоре.

И вдруг — электронный писк замка в прихожей.

Я вздрагиваю, зажимая рот ладонью, чтобы не выдать себя даже дыханием.

Дверь открывается. Тяжёлые шаги. Медленные.

Слышно, как он скидывает куртку — молния с треском расходится. Звук падающей на пол одежды. Наверное, той самой, грязной.

Шаги приближаются. Останавливаются прямо у моей двери.

Дверная ручка медленно опускается. Она упирается в спинку стула. Дверь вздрагивает, но не поддается.

Тишина.

Он стоит там, в паре сантиметров от меня, разделённый только тонким полотном дерева. Я чувствую его присутствие кожей, как чувствуют приближение грозы.

— Открой, — его голос звучит спокойно. Пугающе спокойно. Ни крика, ни ярости.

Я молчу. Впиваюсь пальцами в колени так, что ногти оставляют следы.

— Марина, — неожиданно произносит моё имя. — Ты же

понимаешь, что тебя ничего не спасёт? Если я захочу войти — я войду.

— Пошёл ты, — шепчу я. Голос срывается, хрипит. — Иди к чёрту.

За дверью повисает пауза.

На этот раз дверная ручка дёргается сильно.

— Ты разозлила меня. А когда я злой, я становлюсь очень... изобретательным.

— Я всё расскажу твоему отцу! — выкрикиваю я, понимая всю беспомощность этой угрозы.

Егор смеётся.

— Рассказывай. Кому угодно. Только учти: пока ты здесь, пока ты живёшь за мой счёт в моём блоке ты играешь по моим правилам. А сегодня ты нарушила главное правило: не переходить мне дорогу.

Удар в дверь. Я взвизгиваю, отшатываясь.

— Открывай! Я хочу видеть твои глаза, когда буду объяснять тебе твоё место!

— Уходи!

Он бьёт в дверь ещё раз. Потом ещё. Дверь жалобно трещит. Но потом удары прекращаются так же внезапно, как и начались.

Слышу тяжёлый вздох.

— Ладно, — бросает он. — Сиди в своей норе. Но рано или поздно тебе придётся выйти. Кухня, туалет и душ общие, помнишь? Я подожду. У меня времени много.

Шаги удаляются. Хлопает дверь его комнаты.

За весь вечер из комнаты так и не выхожу.

Не сплю всю ночь. Лежу, уставившись в потолок, где в полумраке пляшут тени от веток сосен за окном. Каждый шорох из соседней комнаты заставляет меня вздрагивать.

Кажется, я слышу, как он ворочается. Или это моё воображение?

К утру глаза печёт от слёз, которые так и не пролились. В семь утра звенит будильник. Я выключаю его за долю секунды.

Тишина.

В блоке тихо. Спит он или караулит?

Мне нужно в душ. В университет. Но страх парализует. Я лежу ещё полчаса, вслушиваясь в тишину.

Слышу шаги. Сердце делает кульбит. Он встал.

Хлопает дверь ванной. Шум воды. Потом кофемашина на кухне. Запах свежего кофе просачивается под мою дверь, дразнящий, уютный, совершенно неуместный в этом кошмаре.

Он собирается долго. Мучительно долго. Я смотрю на часы: 7:50. Опоздаю на первую пару. Плевать. Лишь бы не столкнуться с ним в узком коридоре.

Наконец, в 8:15 хлопает входная дверь.

Я жду ещё минуту. Вдруг забыл что-то? Вдруг вернётся? Никого.

Я вскакиваю с кровати, отодвигаю баррикаду — стул оставляет глубокую царапину на паркете — и вылетаю в коридор.

Воздух здесь всё ещё хранит его запах. На полу в прихожей нет его кроссовок. Ушёл.

Я несусь в ванную. Пять минут на душ — ледяной, чтобы привести себя в чувство. Чищу зубы так быстро, что дёсны начинают кровоточить. Одеваюсь на автомате — джинсы, свитер под горло, волосы в тугий хвост. Никакого макияжа. Я хочу быть невидимкой. Серой молюю.

В кухню не захожу, хотя желудок сводит спазмами голода. Хватаю сумку и выбегаю из блока, словно за мной гонится стая волков.

На улице довольно холодно, а ведь ещё сентябрь. Небо низкое, серое, давит на плечи.

Я иду к корпусам университета, глубже вжимая голову в плечи. Студенты вокруг спешат на пары, смеются, обсуждают планы на выходные. Обычная жизнь.

Телефон в кармане вибрирует.

Я вздрагиваю, вытаскивая его. На экране высвечивается: «Мама».

Волна тепла и боли одновременно накрывает меня. Мама. Она позвонила. Она чувствует, что мне плохо. Сейчас я услышу её голос, и этот кошмар немного отступит. Может быть, я даже расскажу ей? Нет, нельзя. Она расстроится, нач-

нёт звонить Виктору, будет скандал... Но просто услышать её голос — это уже спасение.

— Алло, мам! — выдыхаю я в трубку.

— Мариночка, привет, солнышко! — её голос звенит от счастья. Фоном слышится какая-то музыка, шуршание. — Ты не на паре? Можешь говорить?

— Иду к универу. Мам, я так рада тебя слышать...

— Ой, доченька, а я-то как рада! У меня такие новости, ты упадёшь! — она тараторит, захлёбываясь восторгом. — Представляешь, Витя... Витя такой волшебник!

— Что случилось? — спрашиваю осторожно.

Мама театрально вздыхает, будто готовится сообщить что-то грандиозное.

— Понимаешь... Я знаю, может, что ещё очень рано, но... Витя приготовил сюрприз — я до сих пор в шоке! Шри-Ланка! Океан, пальмы, солнце! Настоящий рай на земле! Мы улетаем на Новый год. Ты же не обидишься, если разочек встретишь праздник в университете? У вас там наверняка своя компания...

Земля уходит из-под ног. Я останавливаюсь посреди дорожки. Студенты обтекают меня, как река — камень.

— Как так? — выдавливаю я.

— Ну вот так вышло! — мама смеётся, и в этом смехе слышны нотки вины, которую она старательно прячет за энтузиазмом. — Такой шанс нельзя упускать! Вернёмся десяти-того января, может, одиннадцатого.

— Десятого... — эхом повторяю я. — Мам, а я?

— Ой, Мариша, ты же уже взрослая девочка! — её голос становится чуть раздражённым. — Не тащить же тебя с нами на медовый месяц.

— Я думала, приеду домой. Мы будем наряжать ёлку...

— Ну что ты как маленькая? Ты же в таком шикарном месте! Общежитие — просто дворец! И Егор рядом, присмотрит.

При упоминании Егора меня передёргивает.

— Мам... Мы с ним не ладим. Совсем.

— Глупости! — отмахивается она. — Просто ещё не привыкли друг к другу. Мальчики, они такие — сначала колючие. Вот и повод наладить отношения! Встретите Новый год вместе, как настоящие брат и сестра. Устроите вечеринку, позовёте друзей. Молодёжь должна веселиться, а не с родителями за столом сидеть!

— Мам, послушай...

— Ой, Мариночка, Витя зовёт, мне бежать надо! — она явно не хочет вникать в детали. — Я переведу тебе денег на карту, купишь что-нибудь красивое к празднику. И шампанского! Не грусти там! Целую-целую!

Гудки.

Я смотрю на погасший экран. Капля дождя падает на чёрное стекло, стекает вниз крошечной слезой.

— Брат и сестра, — шепчу я в пустоту.

Мама не услышала меня. Впервые — совсем не услышала.

Глава 6

Ветер швыряет в лицо мокрые листья. Меня шатает, но я упрямо иду вперёд. В горле першит, виски пульсируют болью, а по спине пробегает озноб — я заболеваю. Жар уже поднимается откуда-то изнутри, волнами накатывая на замёрзшую кожу. Шаг, ещё шаг. Главное — не останавливаться, пока ноги ещё держат.

Университет гудит, как растревоженный улей. Студенты смеются, пьют кофе из стаканчиков, обсуждают планы на выходные. Вокруг меня — жизнь, яркая, громкая, дорогая. А я чувствую себя так, будто нахожусь под толщей воды. Звуки доносятся приглушённо, искажённо.

В холле душно. Смесь дорогих духов и запаха мокрой одежды забивает нос. К горлу подступает тошнота.

Мне нужно на третий этаж. Я смотрю на широкую лестницу. Она кажется бесконечной, уходящей куда-то в небеса. Ступени скользкие, идеальные. Как и всё здесь.

Я делаю вдох и ставлю ногу на первую ступень. Вверх. Вверх. Вверх.

Голова кружится всё сильнее. Перила холодные, пальцы скользят.

На площадке между вторым и третьим этажом движение. Сверху спускается компания. Громкий смех, уверенные шаги. Я поднимаю глаза и натыкаюсь на тяжёлый, тёмный

взгляд.

Егор.

Он идёт в центре, как король в окружении свиты. Рядом Алина, виснет на его локте, что-то шепчет ему на ухо. Увидев меня, Егор замедляет шаг. Останавливается.

Вся его компания замирает. Мы стоим на лестнице: я вниз, вцепившись в перила, он — на пролёт выше. Смотрит сверху вниз. Как всегда.

Я вижу, как меняется его лицо. Он замечает мою бледность, испарину на лбу, то, как меня потряхивает. В его глазах мелькает что-то странное... Удивление? Брезгливость?

— Что, зомби-апокалипсис уже начался? — его голос звучит громко, раскатисто в гулкой тишине лестничного пролёта. — Ты в зеркало себя видела, Золушка?

Алина хихикает, прикрывая рот ладошкой с идеальным маникюром.

— Может, она заразная? Егор, не подходи к ней.

— Я просто иду на пару, — мой голос хрипит, слова даются с трудом. — Дай пройти.

Я делаю попытку обойти их по краю, ближе к стене. Но Егор делает шаг в сторону, преграждая мне путь. Это игра. Кошки-мышки. Ему весело.

— А волшебное слово? — он ухмыляется. Но ухмылка не добрая, она злая, колючая. — Или мама не научила манерам, пока охотилась за чужими кошельками?

Кровь приливает к лицу, а потом резко отходит. Перед

глазами плывут чёрные мушки. Меня ведёт. Я пытаюсь схватиться за перила, но промахиваюсь.

— Отойди, — шепчу я, делая шаг.

Нога попадает на край ступени. Мокрая подошва ботинка скользит по гладкой ступени. Мир переворачивается.

Вскрик застревает в горле. Я вижу, как расширяются глаза Егора. Он дёргается вперёд, протягивает руку — инстинктивно, резко. Чтобы поймать? Или чтобы оттолкнуть?

Я не знаю. Я не успеваю понять.

Моя рука бьёт по воздуху, не находя опоры. Я лечу вниз. Недолго. Всего несколько ступенек до площадки. Но этого хватает.

Удар.

Жёсткий, выбивающий воздух из лёгких. Я приземляюсь боком, подворачивая ногу под себя.

Боль.

Она вспыхивает в лодыжке белой ослепительной вспышкой и пронзает всё тело до самой макушки. Я вскрикиваю. Не могу сдержаться.

Вокруг поднимается шум. Кто-то ахает, кто-то зовёт на помощь. Я лежу на площадке, сжавшись в комок, и хватаю ртом воздух. Боль пульсирует, накатывает волнами, затягивая в темноту.

Егор уже рядом. Он падает на колени, не заботясь о своих дорогих джинсах. Его руки — горячие, трясущиеся — висят над моей ногой, но не касаются.

— Ты... ты как? — он заглядывает мне в лицо. Его зрачки расширены, чернота затопила радужку. — Эй! Смотри на меня!

Я пытаюсь сфокусироваться на его лице. Оно плывёт.

— Больно... — выдыхаю я. — Нога...

Он опускает взгляд на мою ногу. Его челюсти сжимаются так, что ходят желваки.

— Не трогайте её! — рычит он кому-то, кто пытается подойти. — Вызовите врача! Скорей!

— Дыши, — командует он. — Просто дыши, слышишь?

Это последнее, что я помню отчётливо. Его лицо и запах его парфюма — цитрус и мята, который теперь смешивается с запахом моей боли.

Я всегда плохо переносила боль. В детстве упала с велосипеда — очнулась уже в травмпункте. Потом был тот случай у стоматолога, когда анестезия не подействовала сразу... Тело просто отключается, не справляясь с болевым шоком. Похоже, это будет третий раз.

Темнота уже подкрадывается с краёв зрения, сужая мир до тоннеля. А потом накрывает с головой.

Октябрь проходит мимо меня. Я полностью выпадаю из жизни.

Врачи сказали: перелом без смещения, но приятного мало. Гипс, покой, никаких нагрузок минимум четыре недели.

Виктор распорядился перевезти меня в особняк. «Там

Оля присмотрит, воздух свежий, восстановишься», — прогудел он по телефону, даже не заехав в больницу.

Оля? Зачем мне какая-то Оля, если есть мама.

И вот я снова в замке из стекла и бетона. В гостевой комнате на первом этаже, потому что подниматься по лестнице я не могу. Я думала, это будет время с мамой. Я представляла, как мы будем сидеть вечерами, пить чай, я расскажу ей, как мне тяжело в общежитии, про Егора, про всё... И она пожалеет, обнимет, скажет, что всё будет хорошо.

Какая же я дура.

Мама порхает по дому, как экзотическая бабочка — вечно куда-то спешит, вечно опаздывает. Салон красоты в десять, массаж в полдень, маникюр после обеда, потом шопинг с новыми подругами. График расписан по минутам.

А между делами — мечты. Шри-Ланка. Это слово звучит в нашем доме чаще, чем моё имя.

— Мариночка, ну как ты? Ножка не болит? — она забегают ко мне, держа в руках вешалки с пляжными туниками. — Ой, смотри, какой цвет! Вите понравится?

— Красивый, мам, — отвечаю я, глядя в потолок.

— Ты кушай, кушай, Оля бульон сварила. Ой, мне бежать надо, у меня запись на маникюр, а потом мы с Витей едем выбирать чемоданы! Если что — зови Олю.

Она целует меня в лоб — быстро, мимоходом, словно боится заразиться моей неподвижностью — и упархивает. Я остаюсь одна. Опять одна.

Егор не появляется. Он живёт в общежитии — наверное, празднует моё отсутствие. Целый месяц о нём не слышала.

Виктор о нём тоже ни разу не спросил. Раньше я бы решила, что они созваниваются напрямую. Но теперь мне всё чаще казалось: наши родители просто о нас забыли.

Я лежу и смотрю, как за огромным панорамным окном умирает осень. Золотые листья облетают, чернеют, смешиваются с грязью. Дожди становятся затяжными, холодными, а то и вовсе превращаются в снег. Вместе с листьями опадает и моя наивность.

Я понимаю одну простую вещь: я никому не нужна. У мамы новая жизнь, где она — принцесса в сказке. Я — напоминание о прошлом, о бедности, о проблемах. Неудобный багаж. А Егор... Егор просто ждёт, когда я исчезну.

— Ну уж нет, — шепчу я в пустоту комнаты.

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Я не исчезну. Я вернусь. Но той испуганной девочкой, которая плачет в туалете, больше не буду.

Они хотели на меня поспорить? Хотели посмеяться? Пусть попробуют. Если понадобится, я заморожу в себе всё. Боль, страх, надежду. Стану такой же, как они. Равнодушной.

Середина ноября встречает снегопадом и пронизывающим ветром. Я стою перед дверью нашего блока, опираясь на костыль. Гипс сняли несколько дней назад, но нога ещё

слабая — заметно прихрамываю.

Сердце не колотится, как в первый раз. Оно бьётся ровно, гулко. Тук. Тук. Тук.

Прикладываю карту-ключ. Писк замка. Я вхожу.

В блоке идеально чисто. Ни одной лишней вещи. Пахнет дорогим освежителем воздуха и холодом. Дверь в комнату Егора приоткрыта. Он там. Я слышу, как он печатает на клавиатуре.

Я раздеваюсь, вешаю пальто. Шум ткани кажется оглушительным в этой тишине. Стук клавиш прекращается.

Он знает — я вернулась.

А может, чувствует моё присутствие, как я чувствую его.

Глава 7

Скрип отодвигаемого стула режет слух. Тяжёлые шаги.

Я замираю, вцепившись в ручку чемодана. Сердце сбивается с ритма. Я готова к его насмешкам. Я даже приготовила злой, колющий ответ.

Егор останавливается в дверном проёме. Он выглядит уставшим. Под глазами тени, волосы взъерошены, будто он запускал в них пальцы сотню раз за последний час. Он смотрит на меня.

Смотрит на мокрое от снега пальто. На ногу. На костыль, зажатый в руке.

Я вздёргиваю подбородок, глядя ему прямо в глаза.

— Ну что? — с вызовом спрашиваю я. — Скажешь что-нибудь?

Егор смотрит на меня ещё секунду, разворачивается и молча уходит обратно в глубину своей комнаты.

Щелчок замка.

Следующие дни мы научились жить в одной квартире, не пересекаясь.

Утро. Егор дома. Кроссовки в прихожей, куртка на пуфе. Сам он на кухне — слышу, как гудит кофемашина.

Вешаю пальто. Костыль падает, ударяется о стену. На кухне тишина. Егор не спрашивает, что случилось. Знает.

Иду на кухню — пить хочется. Егор у окна, спиной ко мне.

Чёрная толстовка, капюшон натянут. В руке чашка.

Подхожу к раковине. Между нами два метра. Мы не разговариваем.

Он допивает кофе одним глотком, с грохотом ставит чашку в раковину — рядом с моей рукой, но не касаясь. И выходит. Его плечо проходит в миллиметре от моего. Меня обдаёт запахом его парфюма — резким, горьким. Я остаюсь одна.

Холодная война.

Я наливаю воду дрожащими руками. Почему они дрожат? Я же спокойна. Я ледяная королева, и мне всё равно. Просто нога ноет. Да, это от боли.

Вечером я сижу за учебниками. Долгов накопилось столько, что впору забыть о ночном сне. Экономика, статистика, история экономических учений. Буквы пляшут перед глазами. Я сижу на кухне, обложившись книгами. Здесь свет лучше. Егор заперся у себя. Оттуда не доносится ни звука. Может, он умер? Или телепортировался?

В десять вечера звонок в дверь. Я вздрагиваю. Кому мы нужны в такое время? Ковыляю к двери, опираясь на костыль. Смотрю в глазок. Курьер. В кепке, с планшетом.

Открываю.

— Доставка для Барсова Егора Викторовича. И Беловой Марины, — парень сверяется с накладной. — Тут пять коробок. Тяжёлые. Куда ставить?

— В коридор, — говорю я.

Он заносит коробки. Картонные, перетянутые скотчем.

На боку одной размашистым почерком написано: «Чердак». Курьер уходит. Я остаюсь стоять над коробками. Что это? Подарки от родителей? Совесть проснулась?

Дверь комнаты Егора открывается. Он выходит, щурясь от света в коридоре.

— Что за шум? — голос хриплый, чужой.

Впервые за две недели он говорит со мной.

— Курьер, — я киваю на коробки. — Это нам.

Егор подходит ближе. Его взгляд скользит по надписям на картоне, лицо меняется. Черты заостряются. Глаза темнеют. Он узнал эти коробки.

Он делает шаг, срывает скотч с ближайшей. Рывком открывает створки.

Я заглядываю внутрь. Мишура. Старая, колючая. Стекланные шары, завёрнутые в газеты. Домики. Дед Мороз с облупившимся носом. Это не просто ёлочные игрушки. Это старьё. Но такое, что хранят десятилетиями. Которое пахнет детством.

Егор запускает руку в коробку. Достает конверт, лежащий поверх мишуры. Вскрывает. Читает. Я вижу, как белеют костяшки его пальцев, сжимающих бумагу. Лист начинает дрожать.

— Что там? — спрашиваю я, забыв про нашу войну.

Он поднимает на меня глаза. И я отшатываюсь. В них столько ненависти, что меня словно окатывает кипятком.

— Твоя мать, — выплёвывает он. — Твоя святая мамаша.

— При чём тут моя мама?

— «Егор, мы решили навести порядок в доме», — читает он ломающимся голосом. — «Оля разобрала чердак. НатальяОля всё равно уже ничего не помнит, а эти пылесборники только занимают место. Оставляем это на твоё усмотрение. Выкинь или оставь себе».

Он комкает письмо и швыряет его в меня. Бумажный шарик ударяет в плечо и падает на пол.

— «Пылесборники», — шепчет он. — Они называют мамины игрушки пылесборниками.

— Егор, я... — начинаю я, но он меня не слышит.

— Они вычищают её! — рычит он. — Вычищают из дома! Чтобы твоей мамаше было комфортно! Чтобы ничто не напоминало, что до неё там жила другая хозяйка!

Он пинает коробку. Картон рвётся, игрушки со звоном высыплются на пол.

— Ты! — он тычет в меня пальцем. — Это ты и твоя мамаша. Вы как паразиты. Залезли в мой дом, в мою жизнь, в универ. Теперь выкидываете вещи моей матери, как мусор!

— Я ничего не знала! — шепчу я. — Я тут ни при чём!

— Да мне плевать!

Он хватается за коробку и переворачивает её. Стекланный звон оглушает. Шары бьются. Осколки разлетаются по полу.

— Не надо! — я делаю шаг к нему, забыв про костыль. Нога подгибается, но я хватаюсь за стену. — Егор, прекрати! Это же память! Ты пожалеешь!

— Пожалую? — он смеётся. — Я уже пожалел. Что пустил вас на порог.

Он хватает с пола красную верхушку для ёлки. Стекланый шпиль. Его глаза безумны. Он не видит меня. Он видит врага. Видит предательство отца, который променял больную жену на мою мать.

— Вон отсюда! — ревёт он и швыряет шпиль в стену. Рядом с моей головой.

Я инстинктивно закрываюсь рукой. Удар. Звон. И жгучая боль в запястье.

Всё стихает. Будто кто-то выключил звук. Я стою, прижавшись спиной к стене. Грудь ходит ходуном. Я опускаю руку.

Тёмные капли на светлом полу. Рядом с разбитым Дедом Морозом.

Смотрю на своё запястье. Длинный порез. Кровь течёт, заливая пальцы. Поднимаю глаза на Егора.

Он стоит посреди хаоса из мишуры и стекла. Его грудь вздымается. Лицо красное, волосы взъерошены. Но взгляд... Он смотрит на мою руку. На кровь. И я вижу, как из его глаз исчезает безумие. Его смывает страхом.

— Марина... — шепчет он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.